

Н.В. Полосьмак✉, М.А. Кудинова, В.Л. Денисенко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: polosmaknatalia@gmail.com

Результаты третьего года исследований кургана на могильном поле Катанда-3

Основной задачей третьего года работ на памятнике была полная зачистка всей площади наземного сооружения, составившей 1 808,35 м², создание цифровой модели кургана, изучение и фиксация структуры верхнего слоя конструкции. Установлено, что каменное сооружение, диаметром по линии С-Ю – 48,7 м, З-В – 48,4 м, представляет собой платформу круглой формы, сложенную из валунов, пересыпанных галькой. Поверхность каменного сооружения намеренно выровнена. Его конструкция не похожа ни на раннескифские, ни на пазырыкские курганы Горного Алтая. Для датировки памятника большое значение имеют предметы конской упряжи – бронзовые кольчатые удила и прямые двухдырчатые псалии, обнаруженные в центральном погребении *in situ*. Окончания псалиев украшены изображениями голов скифских грифонов. Это хищная птица с большим круглым глазом, звериными ушами, сомкнутым клювом с проработанной восковицей. Грифонов на катандинских псалиях отличает от скифских грифонов замкнутый кольцом клюв. Это архаичский признак, присущий раннескифским изображениям синкретических существ – бараноптиц, которые также являлись украшением псалиев. Бараноптицы существуют довольно ограниченный период времени – VII–VI вв. до н.э. на территории Северного Кавказа, в бассейне Среднего Днепра, в Северном Причерноморье и Приазовье, единично – в Поволжье и Приуралье. Велика вероятность заимствования изящно замкнутого клюва скифских грифонов на катандинских псалиях у этих архаичных фантастических существ. Это предположение согласуется с предложенной нами предварительной датой погребального памятника: VI – начало V в. до н.э.

Ключевые слова: Горный Алтай, Катандинская долина, каменное сооружение, цифровая модель памятника, бронзовые предметы конской упряжи.

N.V. Polosmak✉, M.A. Kudinova, V.L. Denisenko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: polosmaknatalia@gmail.com

Results of the Third Year of Research at the Burial Mound at Katanda-3 Grave Field

The main task of the third year of excavations at the burial ground of Katanda-3 was to complete unearthing of the entire area of the ground structure, which amounted to 1808.35 square meters, creating a digital model of the mound, recording and studying the upper layer of the construction. It was established that the stone construction with a diameter of 48,7 m along the South-North and 48,4 m along the East-West lines was a round-shaped platform made of boulders interspersed with pebbles. The surface of the stone platform is deliberately leveled. Its structure does not resemble either the Early Scythian or the Pazyryk burial mounds of the Altai Mountains. The items of horse harness - bronze ringed bits and straight two-hole psalia found in the main burial *in situ* - are of great importance for dating of the burial complex. The ends of the psalia are decorated with images of griffin heads. This is a bird of prey with a large round eye, animal ears, closed beak with a detailed cere. The griffins on the Katanda psalia are distinguished from the Scythian griffins by a ringed beak. This is an archaic feature inherent in early Scythian depictions of syncretic creatures - ram-birds, which were also used in psalia decoration. Ram-birds images existed for a rather limited period of time – 7–6th centuries BC on the territory of the North Caucasus, in the basin of the Middle Dnieper, in the Northern Pontic and the Azov Regions, and sporadically in the Volga and Ural Regions. There is a great probability that the gracefully closed beak of the griffins on the Katanda psalia was borrowed from these archaic fantastic images. This assumption is consistent with proposed preliminary date for the burial complex – the 6th century BC.

Keywords: Mountain Altai, Katanda valley, stone construction, digital model of the burial mound, bronze horse harness.

Основной задачей третьего года работ на памятнике была полная зачистка всей площади наземного сооружения, создание цифровой модели кургана, изучение структуры верхнего слоя (рис. 1). Площадь всего раскопа составила 2 303,92 м². Было установлено, что каменное сооружение представляет собой платформу круглой формы, сложенную из валунов, пересыпанных галькой. Местами встречаются обломки гранитных плит. Площадь каменной конструкции составляет 1 808,35 м². Диаметр по линии С–Ю – 48,7 м, 3–В – 48,4 м. Поверхность сооружения выровнена, поэтому наименование курган относительно этого памятника довольно условно. Курганы – это куполообразные сооружения. Строители данного памятника такой задачи не ставили. В отличие от других разновременных курганов, расположенных на могильном поле, этот был незаметен. Во всяком случае, он не был отмечен ни В.В. Радловым, работавшим здесь в конце июня 1865 г. [1989, с. 442–443], ни Ю.Т. Мамадаковым, производившим раскопки пазырыкских и тюркских курганов в 1984 г. [1995, с. 125–131].

При строительстве мелиоративной системы в долине Катанды одно из ответвлений от магистрального канала прошло через все сооружение по направлению с запада на восток. Траншея-канал выкапывалась техникой на глубину до 1 м с нарушением материкового слоя. В процессе зачистки было установлено, что ее заполнение – камни и мешаный грунт. Общая площадь этой траншеи составляет 65 м².

Верхняя поверхность каменного сооружения выглядит достаточно однородной – выделяются большие валуны, но все пространство между ними заполнено мелкой галькой. Если в пазырыкских курганах слой мелкого галечника должен был полностью закрыть большие камни основной конструкции и поверхность кургана выглядела так, будто курган сложен из галечника, при сооружении рассматриваемой конструкции такой задачи строители не ставили. Галька только заполняла пространство между камнями, выравнивая общий уровень верхней кладки. Есть участок, на котором аккуратно выложена только мелкая галька.

Вопросы датировки данного погребального сооружения и его культурной принадлежности остаются актуальными. В исследованной в 2023 г. центральной могиле было обнаружено потревоженное конское захоронение с бронзовыми предметами упряжи [Полосьмак и др., 2023]. Это найденные *in situ* кольчатые удила и прямые двухдырчатые псалии, окончания которых оформлены в виде головок т.н. скифских грифонов* (рис. 2). Эти предметы позволяют про-

вести некоторые культурные параллели и говорить о времени сооружения памятника. Прямые двухдырчатые псалии, окончания которых оформлены головками животных или птиц, известны в Восточном и Западном Казахстане в погребениях VI–V вв. до н.э. [Великая степь..., 2019, с. 166–167, 169; Бесетаев, 2016, с. 65, рис. 1]. Так же оформленные прямые деревянные псалии найдены в больших Пазырыкских курганах [Руденко, 1953, табл. XXXVI, 3; XXXVIII, 3, 4; XLIX, 1, 3; LI, 2] и в Первом Туэктинском [Там же, табл. LXXXI, 5; LXXXVI, 4; С, 4]. Самые западные псалии такого типа были выделены в составе Хошеутовского комплекса уздечных принадлежностей конца VI – начала V в. до н.э. (Нижняя Волга) [Дворниченко, 2000, с. 154–155, рис. 1, 3]. Их появление в этом регионе исследователи связывают с влиянием южноуральских кочевников и их более восточных соседей [Дворниченко, Очир-Горяева, 1997, с. 112]. Сходство между этими изделиями и псалиями из погребения в 242 кургане могильного поля Катанада-3 только типологическое. Изображения птичьих голов при всей их узнаваемости не имеют прямых аналогов. Их характерной особенностью являются большой выпуклый выступающий за контур головы глаз, обведенный выпуклым ободком, полукруглое ухо, закрученный в кольцо массивный клюв, у конца которого образовано сквозное отверстие, а внутренний контур обозначен изогнутым лепестком. На верхней створке клюва выделена восковица, между ухом и клювом показана округлая выпуклость щеки. По мнению М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского, головки хищных птиц относятся к наиболее ранним мотивам скифского звериного стиля и их генетические истоки в искусстве Передней Азии достаточно вероятны [1992, с. 128]. Л.Л. Баркова считает, что наличие большого круглого глаза, выступающего за контур головы – прием, характерный для изображений животных на раннем этапе скифо-сибирского звериного стиля, и, таким образом, этот признак не только стилистический, но и хронологический [1987, с. 11]. Отметим, что хотя этот образ широко известен в скифском, тагарском, пазырыкском искусстве и синхронных памятниках на территории Казахстана, Тувы и Монголии, полного сходства с тем образом, который мы видим на псалиях из Катанды мы не обнаружили**. Изящество

** Наиболее часто головками противопоставленных скифских грифонов украшали навершия кинжалов. При всем сходстве этих изображений с головками на псалиях, клювы птиц на кинжалах никогда не замыкаются в круг (см., напр.: [Завитухина, 1983, с. 161, рис. 198, 199; с. 161, рис. 200, 201; с. 163, рис. 204; с. 167, рис. 215]). В навершиях тагарских кинжалов замечен только один такой случай, который лишь подтверждает правило [Там же, с. 167, рис. 214]. Подробно о кинжалах с навершиями в виде головок скифских грифонов см.: [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 58–59; Бейсенов, 2014, с. 103–106].

* Л.Л. Баркова вслед за М.Н. Погребовой [1948, с. 65] называет «скифским грифоном» голову хищной птицы с большим круглым глазом, сомкнутым клювом с проработанной восковицей и звериными ушами [Баркова, 1987, с. 5].

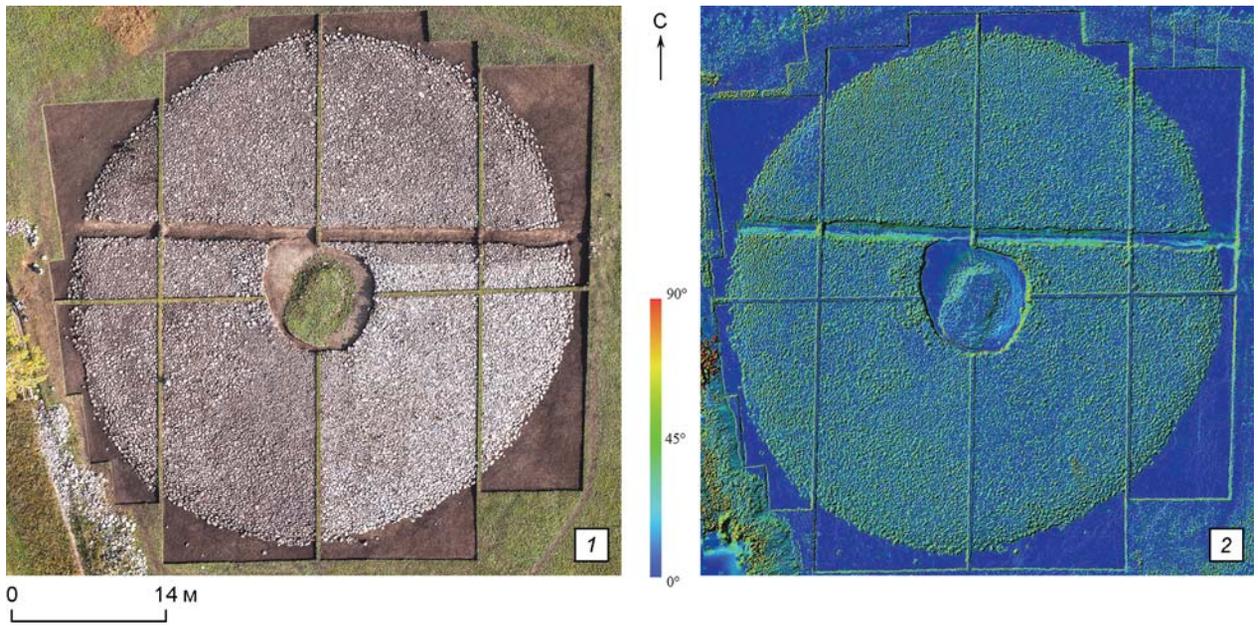

Рис. 1. Кург. 242, могильное поле Катанда-3.

1 – вид на зачищенное каменное сооружение с дрона; 2 – цифровая модель каменного сооружения в режиме Уклон. Значение уклона в градусах (от 0 до 90) основано на значении высоты в каждой точке модели.

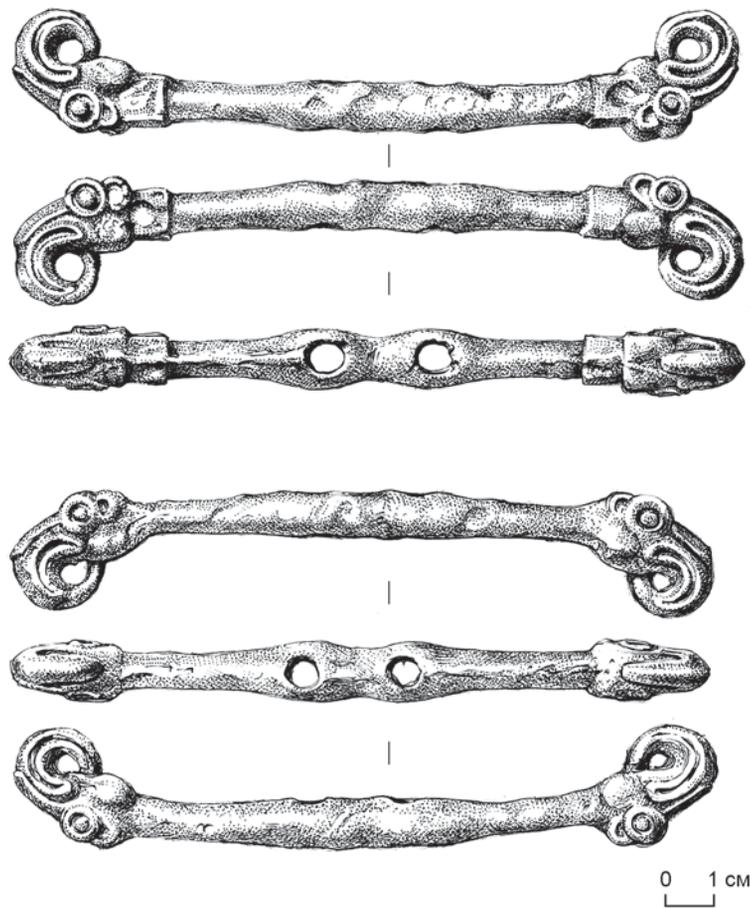

Рис. 2. Бронзовые псалии (прорисовка). Кург. 242, могильное поле Катанда-3, центральное погребение.

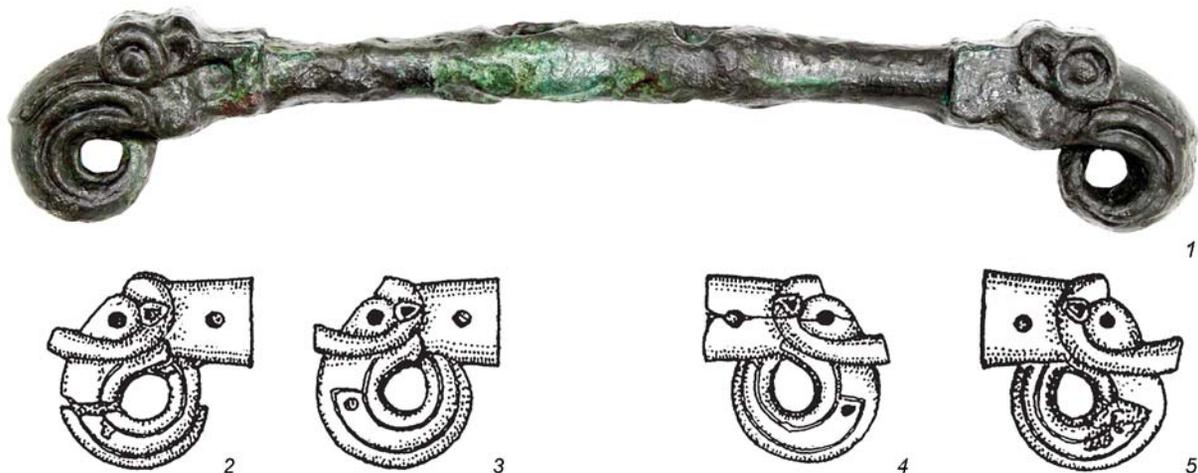

Рис. 3. Псалии и костяные насадки-навершия деревянных псалиев.

1 – бронзовые псалии из центрального погребения кург. 242, могильное поле Катанда-3, 2–5 – навершия деревянных псалиев (кость), Новозаведенное II, кург. 14 (по: [Канторович, 2007, с. 251]).

и законченность образу скифского грифона на катандинских псалиях придает закрученный кольцом клюв. Как нам представляется, этот изобразительный прием имеет отношение к изображениям бараноптицы в раннескифском искусстве, для большинства вариаций которого характерно такое положение клюва [Канторович, 2007, с. 235–257] (рис. 3). Этот образ существовал лишь в архаический период скифского искусства – VII – первая половина VI в. до н.э., территориально он ограничен югом Восточной Европы, самые восточные единичные находки известны на территории савроматской культуры [Погребова, Раевский, 1992, с. 131]. Можно предположить, что закрученный в кольцо клюв скифских грифонов на катандинских псалиях является архаичным элементом, «подсмотренным» на раннескифских изделиях, что согласуется с предложенной нами предварительной датой погребального сооружения VI – началом V в. до н.э. Исследование памятника будет продолжено в следующем году.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РФ № 22-78-10121, <https://rscf.ru/project/22-78-10121/>

Список литературы

Баркова Л.Л. Образ орлиноголового грифона в искусстве древнего Алтая (по материалам Больших Алтайских курганов) // Мат-лы и исследования по археологии СССР. – Л.: Искусство, 1987. – Вып. 28. – С. 5–29.

Бейсенов А.З. Кинжал с зооморфным декором сакского времени из Центрального Казахстана // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2014. – № 5 (31). – С. 103–106.

Бесетаев Б.Б. Конское снаряжение раннепазырыкского времени Восточного Казахстана // Саки и савроматы

Казахских степей: контакт культур. – Алматы, 2016. – С. 64–69.

Великая степь: история и культура. – Нур-Султан, 2019. – Т. 2: Конь и всадник. Каталог выставки. – 300 с.

Дворниченко В.В. Новые поступления в составе Хошеутовского комплекса уздечных принадлежностей // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. – М., 2000. – С. 153–157.

Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А. Хошеутовский комплекс уздечных принадлежностей скифского времени на Нижней Волге // Сарматы и Скифия. – Азов, 1997. – С. 99–115. – (Донские древности; вып. 5).

Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. – Л.: Искусство, 1983. – 192 с.

Канторович А.Р. Истоки и вариации образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. – М.: Изд-во ИА РАН; Таус, 2007. – С. 234–258.

Мамадаков Ю.Т. Аварийные раскопки могильника Катанда-3 // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1995. – С. 125–131.

Погребова М.Н. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИИМК. – 1948. – Вып. XII. – С. 62–67.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток: К истории становления скифской культуры. – М.: Наука, 1992. – 269 с.

Полосьмак Н.В., Васильев С.К., Денисенко В.Л., Кудинова М.А. Продолжение работ на могильном поле Катанда-3 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX. – С. 817–822.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы из дневника. – М., 1989. – 750 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л., 1953. – 402 с.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – 204 с.

References

Barkova L.L. Образ орлинголового грифона в искусстве древнего Алтая (по материалам Бол’ших Алтаjsких курганов). *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*. Leningrad: Iskusstvo, 1987. Vol. 28. P. 5–29. (In Russ.).

Bejsenov A.Z Dagger with the Zoomorphic Decor of the Sak Time from the Central Kazakhstan. *Tomsk State Univ. J. of History*, 2014. No. 5 (31). P. 103–106. (In Russ.).

Besetaev B.B. Konskoe snaryazhenie rannepazyrykского времени Vostochnogo Kazakhstana. In *Saki i savromaty Kazahskih stepej: kontakt kul’tur*. Almaty, 2016. P. 64–69. (In Russ.).

Dvornichenko V.V. Novye postupleniya v sostave Hosheutovskogo kompleksa uzdechnyh prinadlezhnostej. In *Skify i sarmaty v VII–III vv. Do n.e.: paleoekologiya, antropologiya i arheologiya*. Moscow, 2000. P. 153–157. (In Russ.).

Dvornichenko V.V., Ochir-Goryaeva M.A. Hosheutovskij kompleks uzdechnyh prinadlezhnostej skifskogo времени na Nizhnej Volge. In *Sarmaty i Skifiya*. Azov, 1997. P. 99–115. (Donskie drevnosti. Vol. 5). (In Russ.).

Kantorovich A.R. Istoki i variacii obraza baranopticy (grifobarana) v ranneskifskom zverinom stile. In *Severnyj Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke*. Moscow: Institute of Archaeology RAS; Taus, 2007. P. 234–258. (In Russ.).

Mamadakov Y.T. Avarijnye raskopki mogil’nika Katanda-3. In *Problemy ohrany, izucheniya i ispol’zovaniya*

kul’turnogo naslediya Altaya. Barnaul, 1995. P. 125–131. (In Russ.).

Pogrebova M.N. Grifon v iskusstve Severnogo Prichernomor’ya v epohu arhaiki. *Kratkie soobscheniya instituta istorii materialnoj kultury*, 1948. Vol. 12. P. 62–57. (In Russ.).

Pogrebova M.N., Raevskij D.S. Rannie skify i drevnij Vostok: K istorii stanovleniya skifskoj kul’tury. Moscow: Nauka, 1992. 269 p. (In Russ.).

Polosmak N.V., Vasil’ev S.K., Denisenko V.L., Kudinova M.A. Continuation of Work at the Katanda-3 Burial Ground. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. 29. P. 817–822. (In Russ.).

Radlov V.V. Iz Sibiri. Stranicy iz dnevnika. Moscow, 1989. 750 p. (In Russ.).

Rudenko S.I. Kul’tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya. Moscow; Leningrad, 1953. 402 p.

Umanski A.P., Shamshin A.B., Shulga P.I. Mogil’nik skifskogo времени Rogozihа-1 na levoberezh’e Obi. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2005. 204 p. (In Russ.).

Velikaya step’: istoriya i kul’tura. Nur-Sultan, 2019. Vol. 2: Kon’ i vsadnik. Katalog vystavki. 300 p. (In Russ.).

Zavituhina M.P. Drevnee iskusstvo na Enisee. Skifskoe vremya. Publikaciya odnoj kollekcii. Leningrad: Iskusstvo, 1983. 192 p. (In Russ.).

Полосьмак Н.В. <https://orcid.org/0000-0002-3760-265X>

Кудинова М.А. <https://orcid.org/0000-0001-8369-2089>

Денисенко В.Л. <https://orcid.org/0000-0002-2642-1415>

Дата сдачи рукописи: 27.10.2024 г.